

печение о Кадомской школе кружевниц (с. 228), М.И. Гостинцева — за разведение шелкопряда в Астрахани (с. 229), С.А. Давыдова — за публикацию работ о кружевах России (с. 231—232) и т.п. Но, пожалуй, наиболее странно выглядело награждение им члена Абрамцевского кружка художников Н.Я. Давыдовой (с. 230—231).

В результате издание получилось двойственным. В нём, безусловно, собран большой материал, отражающий важную роль женщин в патриархальной Российской империи. В области фалеристики книга удачно дополняет фундаментальный каталог С.Б. Патрикеева и А.Д. Бойновича⁶. Однако структура книги не вполне удобна для использования. Фамилии награждённых расположены в ней по годам, а не по алфавиту, да и в погодных перечнях алфавитный порядок соблюдается

не строго, что существенно затрудняет поиск. Не облегчает его и чересчур краткое оглавление и отсутствие указателей.

Примечания

¹ См.: *Гордеев П.Н.* С.М. Волконский и проект реформы системы почётных званий артистов Императорских театров // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 22. 2017. № 1. С. 53—63.

² *Патрикеев С.Б., Бойнович А.Д.* Нагрудные знаки Российской империи. Т. 1. М.; СПб., 1995. С. 342 (№ 14.6).

³ *Левин С.С.* Женские награды Российской империи. М., 2013.

⁴ *Корф М.А.* Дневник. Год 1843-й / Публ. И.В. Ружицкой. М., 2004. С. 335—336.

⁵ *Исторический вестник*. 1900. Т. 81. С. 420.

⁶ *Патрикеев С.Б., Бойнович А.Д.* Нагрудные знаки Российской империи. Т. 1—3. М.; СПб., 1995—2005.

Фёдор Гайда

Рец. на: А.А. Чемакин. Истоки русской национал-демократии: 1896—1914 годы. СПб.: Владимир Даль, 2018. 651 с.; А.А. Чемакин. Русские национал-демократы в эпоху потрясений: 1914 — начало 1920-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2018. 606 с.

Fyodor Gayda

(Lomonosov Moscow State University; Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia)

Rec. ad op.: А.А. Chemakin. Istoki russkoy natsional-demokratii: 1896—1914 gody. Saint Petersburg, 2018; А.А. Chemakin. Russkiye natsional-demokraty v epokhu potryaseniy: 1914 — nachalo 1920-kh godov. Saint Petersburg, 2018.

DOI: 10.31857/S086956870006393-3

Демократические традиции России изучены ещё далеко не полно, и двухтомник А.А. Чемакина закрывает одну из очевидных лакун. Автор проделал серьёзную и важную работу, по сути, став первопроходцем в исследовании русской национал-демократии

1890—1920-х гг. Добротность его труда подтверждается подробным обзором историографии, собранной буквально по крупицам (1, с. 33—59). Выводы историка опираются на прочный фундамент документов, извлечённых из фондов 20 московских, петербургских

и киевских архивохранилищ, на материалы отечественных и зарубежных (Украина, Чехия, США) библиотек и многочисленные визуальные источники, включая как фотографии, так и кинохронику. В приложении к монографиям приводятся программные произведения национал-демократов, а также подробные биографические сведения о членах Независимой группы IV Думы.

Автор хорошо знаком с наиболее значимыми работами по теории национализма и вслед за Э. Смитом и С.Б. Корниенко признаёт нации продуктом модерна, имеющим этническую основу. В дискуссиях примордиалистов и их противников эта позиция представляется, пожалуй, наиболее взвешенной. При этом исследователь отмечает некорректность традиционного противопоставления этнической и гражданской нации (1, с. 14—15). Сами национал-демократы рубежа XIX—XX вв. противопоставляли скорее сословную и гражданскую нации, а точнее — выступали за переход от сословного общества к гражданской нации. По мнению Чемакина, «русскими национал-демократами в широком значении данного термина можно назвать тех политических деятелей, кто пытался объединить приверженность интересам широких масс (“демократии”) и защиту социальных прав простого народа с русским национализмом и прогрессизмом и при этом опираться на заимствованные с Запада социально-политические теории» (1, с. 27). Этим национал-демократы отличались от черносотенцев, «русских националистов» (Всероссийского национального союза) и либеральных партий. Но в рамках самой национал-демократии существовали либеральное, социалистическое и консервативное направления (1, с. 26—28, 319—320).

Подобное разделение, конечно, было уже знаменем нового XX столетия.

Выявляя идейно-политических предшественников русских национал-демократов, исследователь видит их в том числе среди галицких «новокурских» (1, с. 545—546), находившихся под влиянием чешских «национал-социалистов» и противостоявших польским и украинским националистам. В отличие от прежних москвофилов они придерживались народнической (по сути, эсеровской) программы (1, с. 139—140). Таким образом, пророссийская ориентация сочеталась у них с радикальной идеологией, враждебной политическому строю Российской империи. Столь противоречивое сочетание крайне осложняло поиск сторонников. Именно поэтому адептов нового направления можно было пересчитать по пальцам одной руки. Одним из них стал московский студент Ф.Ф. Аристов, в 1911—1912 гг. установивший контакт с галицким общественным деятелем Д.Н. Вергуном, который ещё в 1896 г. работал над программой «червоннорусской молодёжи», и киевским учёным и публицистом Т.В. Локотем — трудовиком-перводумцем, перешедшим на националистические позиции, но сохранявшим приверженность демократическим и социалистическим идеалам (1, с. 292—294).

Национал-демократы остро ощущали связь с новыми веяниями в европейской политике. Они сочувствовали унификации управления в Российской империи, поддерживали борьбу латышей и эстонцев против остзейского дворянства (2, с. 142—143), но не стремились к целенаправленному обрусению окраин, отдавая предпочтение естественной ассимиляции (2, с. 147—151). Национал-демократы дистанцировались от антисемитизма (1, с. 353—356). Они

не возражали против предоставления евреям равноправия, но и не уделяли ему особого внимания (2, с. 151—158). Движение носило подчёркнуто светский характер, один из его лидеров — И.И. фон Зек — являлся лютеранином, другие участники симпатизировали таким проявлениям религиозного модернизма, как имяславие, трезвенничество и др. (2, с. 175—195), критиковали синодальные порядки (1, с. 349—352), поэтизировали славянские, в том числе и языческие, древности (1, с. 147—148). Чемакин лишь бегло упоминает об участии в этом движении В. Хлебникова (1, с. 409). Между тем поэт-будетлянин, яркая звезда русского футуризма, в то время действительно придерживался национал-демократических взглядов, что нашло выражение, например, в его пьесе «Снежмочка»¹. Важное место в идеологии национал-демократов занимала пропаганда здорового образа жизни, спорта, возрождения боевого духа народа (2, с. 171—175). Поддерживались связи с сокольскими организациями (1, с. 344—349). Своих предшественников национал-демократы видели в западно-русском движении XVII в. против полонизма (2, с. 131). Импонировали им и традиции Новгородской республики (2, с. 119). Оставаясь этатистами, национал-демократы признавали государство лишь формой существования русского народа, усматривая в конституционной монархии наиболее разумный политический строй (2, с. 131—133). С пиететом в их среде вспоминали о М.М. Сперанском, что несколько удивляет исследователя (2, с. 130—131). Однако именно для этого государственного деятеля было характерно сочетание либеральных и консервативных традиций при государственных взглядах.

Конечно, национальный вопрос и внешнеполитические проблемы были

далеко не самыми насущными для основной массы русских крестьян, на которых пытались ориентироваться национал-демократы. Однако в отдалённом будущем их идеология могла иметь перспективу по мере увеличения и усиления зажиточного крестьянства. Не случайно ею интересовался П.А. Столыпин (1, с. 315), политика которого создавала условия для постепенного формирования в России гражданской нации. Покровительство движению оказывал и один из лидеров партии русских националистов — гр. В.А. Бобринский. В то же время левым крылом движения вплотную занялась полиция, в марте 1911 г. арестовавшая Аристова (1, гл. 5—6). В целом, лидеры национал-демократов разрывались между Столыпиным и оппозицией (1, с. 392—396). Уже после гибели Петра Аркадьевича они заявляли о верности столыпинскому курсу, хотя и критиковали его детище — Всероссийский национальный союз — за продворянский характер (2, с. 9—11). Однако перемены, происходившие в правительстве, привели, в частности, к тому, что национал-демократической по своей программе Имперской народной партии М.А. Караулова отказали в регистрации (2, гл. 1).

Чемакин основательно проследил попытки национал-демократов установить тесное сотрудничество с Крестьянской группой в IV Государственной думе (1, с. 452; 2, гл. 3)². Не менее любопытен анализ взаимоотношений Независимой группы Караулова, созданной после неудачи с регистрацией партии, с прогрессистами, внешнеполитические взгляды которых также имели националистический характер. Имперская народная партия и Независимая группа во многом оказались близки им, придерживаясь в национальной политике более правых пози-

ций, а в социальной — более левых (2, с. 215—216).

Однако организации национал-демократов отличались малочисленностью и рыхлостью. Та же Независимая группа, первоначально насчитывавшая 8 депутатов, увеличивалась медленно и в сентябре 1915 г. включала всего 15 членов (с 1913 г. в неё перешли 4 прогрессиста, 3 октябриста, националист, центрист, кадет и трудовик). Но затем начался отток: трое вернулись к земцам-октябристам, ещё двое присоединились к левым октябристам, двое — к кадетам, один — к прогрессивным националистам, трое стали внефракционными депутатами. В итоге, к февралю 1917 г. в объединении осталось лишь 5 человек (2, с. 560—562). Автор констатирует нарастание оппозиционности Независимой группы с 1915 г. и её перемещение на левый фланг Думы. Впрочем, в Прогрессивный блок она не вошла, а Караулов даже поддерживал контакты с министром внутренних дел А.Д. Протопоповым. Собы-

тия 1917 г. окончательно развели сторонников национал-демократии. Так, Караулов принял активное участие в Февральской революции, после чего погрузился в дела казачества, а Локоть сблизился с черносотенцами (2, гл. 5—6).

А.А. Чемакин подробнейшим образом изложил противоречивую судьбу русских национал-демократов начала XX в.: делая ставку на крестьянство, их идеологи создавали, по сути, весьма вестернизированную программу, лавировали между властью и оппозицией. Это противоречивое движение показано в книге на фоне столь же противоречивой эпохи.

Примечания

¹ Амелин Г., Мордере В. Письма о русской поэзии. М., 2009. С. 103—110.

² Следует отметить, что наибольшее число депутатов-крестьян входило во фракцию русских националистов (Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910—1917). М., 2016. С. 60).

Александр Пученков

Один год из жизни Города*

Aleksandr Puchenkov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

One year from the life of the City

DOI: 10.31857/S086956870006394-4

История Киева конца XIX — первой половины XX в. давно уже является предметом научных занятий потомственного киевлянина, профессионального физика-теоретика и

киевоведа Стефана Владимировича Машкевича, живущего и работающего на Украине и в США¹. Первый том задуманной им тетралогии, посвящённой истории Киева 1917—1920 гг.,

* Машкевич С.В. Киев 1917—1920. Прощание с империей. Т. 1. Прощание с империей. Харьков: Фолио, 2019. 461 с., ил.

Материал подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00430 и президентского гранта МД-5771.2018.6.